

Н. Гуськов

«КНИЖКА ПРО КНИЖКИ» С. Я. МАРШАКА¹

Статья представляет собою исследование творческой истории текста одного из наиболее известных стихотворений С. Я. Маршака 1920-х гг.: сопоставляются несколько редакций текста, значительно отличающихся друг от друга. Изучение правки, проведенной поэтом как под влиянием внешних идеологических факторов, так и в соответствии с собственными убеждениями и вкусами, приводит к новым наблюдениям над особенностями поэтики и мировоззрения Маршака. Анализ ранней редакции текста обнаруживает присутствие в ней полемического начала. Это позволяет соотнести ее с широким современным литературным и общественным контекстом и судить о позиции Маршака в историко-культурной ситуации 1920-х гг.

Ключевые слова: С. Маршак, творческая история, поэтика, текстология, литература 1920-х гг., советская поэзия, книги, библиотека, нравоучительная поэзия, сказка, история учебной литературы.

Детская литература в последние 20 лет перестала быть неотъемлемым достоянием педагогов, культурологов и чувствительных критиков: формируется филологический подход к детской литературе с установкой не столько на «детскость», сколько на «литературность». К этому научному направлению принадлежит и предлагаемая статья, рассматривающая произведение С. Я. Маршака не как средство воспитания и увеселения, а как художественный текст. Сочинения Маршака привлекают филолога не только художественной значительностью, но и влиянием на литературный процесс (поэт явился если не создателем, то, по меньшей мере, организатором, руководителем и редактором целой школы детской литературы) и на общественное сознание. Популярность произведений Маршака, его сподвижников и последователей была столь велика, они так рано и прочно входили в память представителей нескольких поколений читателей, что творчество Маршака в определенной мере было и до сих пор оказывается (конечно, на подсознательном уровне) одним из источников мировосприятия миллионов наших соотечественников.

Статья посвящена одному из известнейших стихотворений Маршака «Книжка про книжки» и, оставляя в стороне проблемы поэтики, касается вопросов текстологии и топики.

Текстологический аспект важен потому, что поэт не только долго «отделявал» сочинения, выверяя каждое слово (в этом залог исклю-

чительной точности выражения, принесшей Маршаку успех), но и при каждом переиздании (иногда десятки раз) правил стихи. Часто правка спровоцирована цензурой, но выполняет и компенсаторную функцию: устраняя нечто в одном месте, поэт вносил дополнения в другом, и текст, трансформируясь, сохранял гармоническую соразмерность и верность исходному принципу. Без изучения творческой истории многое в произведениях Маршака не прояснено.

Топика их интересна тем, что, предназначая стихи детям, формируя картину мира и систему ценностей читателя, Маршак оперировал прежде всего именно топосами. Будучи новатором в детской поэзии, он был традиционалистом в плане этическом и эстетическом. В результате, творчество Маршака — выделение квинтэссенции из различных культурных традиций, обобщение, синтез культурного опыта и его подача в виде концентрированном, лаконичном, суггестивном, динамически-экспрессивном, доступном ребенку и увлекательном для него.

Такой характер творчества С. Я. Маршака (а также К. И. Чуковского и их последователей) приводит к формированию в детских текстах многоуровневых смысловых структур. Богатая топика, по сути своей вневозрастная, эффектно преподнесенная ритмически и стилистически, делает произведение неизменно актуальным и тождественным сознанию человека любого возраста и любого культурного уровня. Для наивного сознания это лишь повествование, воспринимаемое в прямом смысле; для взрослого, тем более культурно искушенного читателя — то философская притча, то злободневный памфлет, то игра с литературными аллюзиями. Любая интерпретация (и «детская», и «взрослая») предусмотрена и предопределена автором, следовательно — правомерна, если, конечно, не искажает фактов (как популярный миф об антисталинском пафосе «Тараканища», созданного Чуковским в 1921 г., еще до возвышения Сталина).

«Книжка про книжки» вышла в 1924 г. с рисунками С. В. Чехонина. Первая редакция, заметно отличающаяся от общеизвестной, приведена в приложении к статье (далее при цитации указан номер строки). С 4-го издания книгу иллюстрировал Д. Н. Митрохин. Здесь появилась правка, но еще не радикальная. Год выпуска не обозначен ни на обложке, ни в библиографических указателях. На основании штампа на экземпляре РНБ, издание можно датировать 1929 г. (3-е — 1927 г.). Основательно переработан текст в 5-м изд. (1935 г.). Дополнения (1949 г. и 1952 гг.) касаются частностей.

«Книжка про книжки» принадлежит к балладам Маршака и соотносится, по крайней мере, с двумя группами его сочинений.

Во-первых, это ряд произведений об устранении и восстановлении разумного, естественного, гармонического порядка вещей («Пожар» и более поздний «Рассказ о неизвестном герое», «Почта», «Мороженое» и др.). Здесь есть и нарушитель гармонии — Мишка (Гришка), и ее восстановители, причем на трех иерархических уровнях (кагалог, сторожа и переплетчик Митрофан Кузьмич).

Во-вторых, «Книжка про книжки» связана с группой произведений о судьбе культурных традиций и культурного наследия, о взаимоотношении поколений («Приключения стола и стула» (переработка стихов Э. Лира), «Вчера и сегодня», «Как рубанок сделал рубанок» и др.). В этих текстах особенно сильно чувствуется собственное Маршаку сочетание неоромантических и неоклассических тенденций. Как переводчик и поклонник английских романтиков, он симпатизировал эгегической идеализации прошлого, томлению по неосуществившемуся и недостижимому идеалу. Вместе с тем сознание Маршака рационалистично, оптимистично и приветствует упорядоченную организацию бытия, противостоящую губительным и разрушительным порывам хаотической стихии.

Ближайший литературный претекст «Книжки про книжки» — «Мойдодыр» («Федорино горе» вышло позже). Как у Чуковского, здесь есть бегство вещей от героя, сразу обозначенного неряхой. С 1935 г. «неряха Мишка» стал Скворцовым Гришкой. Имя поменялось, видимо, для эвфонии. Появление же фамилии вместо характеристики сузило смысл: сняло оценочность и конкретизировало универсальную прежде ситуацию.

Б. М. Гаспаров выявил и проанализировал литературный и, отчасти, социальный подтекст «Мойдодыра» [см.: Гаспаров 1992]. Для Маршака, очень близкого в то время Чуковскому, этот подтекст был, вероятно, ясен и актуален. «Книжка про книжки», как многие тексты Маршака, имела успех и у взрослых, ее можно интерпретировать как реакцию поэта на культурную ситуацию 1920-х гг.

Речь идет не о прямой дешифровке каждой строки в злободневном плане, а о целостной концепции, не исключающей конкретных намеков, интерпретация которых может быть сейчас лишь гипотетической. Такое истолкование произведения представляется допустимым прежде всего потому, что его герои — не одежда и бытовая утварь, как у Чуковского, а книги, то есть предметы духовной культуры.

Подобно персонажу Чуковского, Мишка в мире баллады Маршака выполняет такую же деструктивную функцию, какую в русской культуре 1920-х гг. выполняли подвижники новых политических и эстетических течений. Не менее знаковым и показательным, чем внешность героя «Мойдодыра», проанализированная Б. М. Гаспаровым, является вид Мишкиных книжек, напоминающих и авангардно оформленные издания, и книги, подвергнутые политической цензуре. Неряха Мишка соотносим и с невежей из финала стихотворения Маршака «Вчера и сегодня». Критика не без основания возмущалась, что любимый иллюстратор поэта В. В. Лебедев изобразил невежу пролетарского вида [Кальм 1931]. На рисунках Чехонина Мишка одет на двух первых и двух последних страницах в синюю рубашку, на остальных — в красную; в 3-м изд. рубашка везде красная. Для иллюстрации, особенно плакатного типа, цвет в то время был аллегорически весьма значим. В оформлении Митрохина эта цветовая символика постепенно (по мере переработки книжки) была устранена.

«Книжкой про книжки» Маршак включился в полемику о судьбе культурного наследия, актуальную в 1920-х гг., и продолжал отстаивать свою позицию в новых книгах («Вчера и сегодня» и др.).

Полемичен уже набор мишкиных книг. Помимо учебников, это именно та литература, которая не рекомендовалась официальной педагогикой. Напротив, Маршаком и его соратниками этот набор текстов выдвигался как классическая основа нравственного и эстетического воспитания.

В середине 1920-х гг. радикальными представителями власти была предпринята попытка борьбы с детским чтением как таковым², но и менее агрессивные педагоги книгам, убежавшим от Мишки, не сочувствовали. Дон Кихот, согласно В. М. Фриче, сильно влиявшему на школьное преподавание литературы, «полусумасшедший бедняга, тень прошлого, навсегда умершего... Теснимые новыми классами мелкопоместные дворяне обращали свои взоры, естественно, назад, мечтая о восстановлении “доброе старое времени”» [Фриче 1922, с. 39]. У Маршака именно Дон Кихот дает окончательный сигнал к исходу книг. В «Робинзоне Крузо», по Фриче, «как бы символически изображена английская торговая буржуазия с ее колонизаторскими стремлениями и достижениями» [Там же, с. 66]. Маршак же, возглавив детский журнал, дал ему программное название — «Новый Робинзон». Как умеренно-либеральные неизменно оценивались официальной критикой и «Принц и нищий», и «Хижина дяди Тома».

Центральное место у Маршака занимают сочинения братьев Grimm, а ведь в 1924 г. уже шла интенсивная борьба со сказкой как жанром.

С 1935 г. состав Мишкиных книг слегка изменился. С одной стороны, перечисленные тексты уже были узаконены как детская классика и потому сохранились в произведении; с другой — полемика о сказке отошла в прошлое, большая часть сюжетной линии братьев Grimm выброшена, исчезли упоминания о «Крокодиле» и «Мурзилке». Зато появились русские классики — Гоголь и Крылов. Круг чтения, казалось тогда, должен стать серьезнее, массовую литературу следует заместить высокой.

К 1952 г. из иностранных книг остались лишь братья Grimm и «Робинзон Крузо», наиболее значимые в этом тексте, и антирасистский роман Бичер-Стоу. Дон Кихота заменил Тимур А. П. Гайдара, что отчасти оправданно (герой — энтузиаст и рыцарь), но и вносит совершенно новые коннотации.

Важные проблемы, затронутые в балладе, — характер воздействия узурпатора на культурное наследие и реакция этого последнего на поступки героя.

Уничтожение культурного наследия происходит различными способами: 1) в драке, когда оно используется как оружие и раскалывается, двоятся (9–12); 2) за счет невнимания, небрежения, непонимания сущности предмета, которые приводят к порче (3–8, 19–32, 167–172); 3) ради самоутверждения узурпатора, который всюду оставляет свои клейма (7, 25–37); 4) путем разделения родственных явлений, насильственного пленения (линия братьев Grimm).

Все это имеет явные параллели в культурной ситуации 1924 г. Именно тогда литературная борьба, порой близкая к драке, так обострилась, что писатели-попутчики вынуждены были специальным прошением искать защиты у правительства. Именно в 1924 г. принято постановление о всеобщей чистке библиотек, приведшее к повсеместному массовому уничтожению книг. Именно в это время заметно ужесточилась цензура. Гонениям, в частности, подвергся и автор «Крокодила», правда, главным образом как критик и один из редакторов «Русского современника». В редакции 1929 г. в связи с гонениями на детскую литературу приключенческого характера и писателей-анималистов возник вопрос: «Почему без корешков / Томпсон, Нансен и Житков?» (см. прим. к строке 23). Позднее он был снят.

В середине 1920-х гг. радикально преобразилась учебная литература. Так, учебник географии (только не Петрова, а Гермогена

Ивановича Иванова) автору пришлось переработать. Новые издания поражают введением политического раздела, оценочно-патриотических фраз (ср. «Сия География моя»), чего, как ни странно, не было в дореволюционных редакциях, и особенно обилием заданий сельскохозяйственного характера («нарисована корова»)³. Замена фамилии «Иванов» на «Петров», вероятно, осуществлена по ассоциации, понятной всякому носителю русского языка, однако возможна и дополнительная коннотация. Фамилию Петров носил инспектор Ленинградского Гублита (цензор), с которым имел дело и Чуковский, и, видимо, Маршак, а возможно, и географ Г. И. Иванов. По словам К. И. Чуковского, Петров — «очень красивый молодой человек, но несомненно, беззаботный по части словесности» [Чуковский 1997, с. 287–288]. При намеке на цензуру надпись «Сия География моя, / Кто возьмет ее без спросу, / Тот останется без носу» (33–36) звучит зловеще.

По мере усиления политической реакции агрессия Мишки по отношению к книгам менялась. В 1935 г., видимо, по цензурным причинам, исчезли два стиха о «Крокодиле», но тон новых строк о глумлении над книгой стал гораздо более пугающим, сообразно эпохе: «У бедняги Робинзона / Кожа содрана с картона...» (см. прим. к строке 25). Тогда же вместо начала разговора книг появилась строфа о Гоголе (см. прим. к строке 13). Это, конечно, не случайно: в 30-х гг. интеллигенция интенсивно обсуждала перезахоронение писателя (достаточно вспомнить роман О. Д. Форш «Символисты» («Ворон», 1935–1935)) и слухи о расхищении его одежды присутствовавшими на вскрытии могилы литераторами («Был он в молодости щеголь, / А теперь на склоне лет / Он растрепан и раздет» — прим. к строке 13).

Раскол единой культуры также волновал Маршака. М. С. Петровский уже писал о сменовеховском аспекте «Приключений стола и стула» [см.: Петровский 1989]. Линия братьев Grimm в «Книжке про книжки» несет ту же идею (74–102). Активное общение поэта с только что вернувшимся в Россию под влиянием сменовеховских настроений А. Н. Толстым отчасти подтверждает высказанную гипотезу.

В стихотворении описаны два типа реакции культуры на насилие: смирение и протест. Первая свойственна наиболее прагматически ориентированным, нейтральным и самым востребованным: Задачнику (41–47; не случайно его-то и хватился Мишка), — а также самым слабым: «Хижине дяди Тома», воплощающей здесь искусство благородное, но чрезмерно сентиментальное, патриархальное

(«останусь дома»), а потому бессильное, если его дополнительно не стимулировать. Эта черта заострена в последней редакции: «Идем! — ответил ей Тимур. / — Ты терпелива чересчур!» (56–59 и прим.).

Мотивы противостояния узурпатору и возмездия сближают «Книжку про книжки» с многочисленными произведениями Маршака о борьбе с нарушителем должного миропорядка и о восстановлении гармонии: в данном случае — в сфере культуры и духовной жизни, метонимией которых и выступают книги.

Художественная реальность, предстающая в творчестве Маршака, организована по разумным законам, они служат залогом счастья. Любое нарушение соразмерности, баланса или попытка самоутверждения, исходя из принципов, противоречащих разумным установлениям, ведут к катастрофе. Впрочем, система мироздания так налажена, что гармония восстанавливается (у нее есть блюстители и защитники), а катастрофа оборачивается на виновника несчастья.

Эта сюжетная модель, игровая, поучительная и отражающая не слишком оригинальную, но стройную философскую концепцию Маршака, определяет организацию художественного пространства, расстановку действующих лиц, конфликт «Книжки про книжки».

В художественном пространстве произведения противопоставлены две сферы, изображенные едва ли не как хаос и космос.

Первый царит в комнате Мишки, где ничто не выполняет прямых и постоянных функций (как оружие используется книга; а как книгохранилище — любой предмет). Носитель культурных ценностей обречен здесь на адские муки, от которых избавит лишь бегство.

В качестве же идеального пространства выведена библиотека: и внешне (подчеркнуты красота и уют), и сущностно (здесь сосредоточены знание и культурный опыт человечества, причем они, во-первых, востребованы, во-вторых, упорядочены, следовательно — функциональны). Маршак, поборник разумной организации мира, однако, не отождествлял ее с насилием: не случайно лишь в редакции 1935 г. книжный приют получил эпитет «центральный». В остальных ранних и поздних изданиях подчеркивается другой признак: приют назван «свободным». Анархическому неистовству непросвещенного Мишки здесь противостоит свобода, трактованная как осознанная необходимость, позволяющая каждому обрести свое место в мире, свой индивидуальный и достойный облик. В этом залог гармонии.

За описываемой авторской концепцией современникам и потомкам открывается перспектива этических и социальных проблем и широкое поле культурных ассоциаций. Поэтому конфликт

«Книжки про книжки» и родственных ей текстов Маршака способен заинтересовать не только маленького ребенка. Необычно, что выстроен конфликт «Книжки про книжки» по трагическому принципу. Главный герой, несомненно, виновен, но не по дурному умыслу, неосознанно. Совершенная им ошибка неизбежно влечет его к катастрофе, имеется сцена выбора, предвстие катарсиса и неизбежность возмездия.

В отличие от Чуковского, Маршак приучал своих читателей к правде жизни и жестоко избегал компромиссных финалов, счастливых для героя-нарушителя порядка. В волшебное исправление Мишки писатель не верил и долго был к своему персонажу неумолим, однако в 1952 г. создал идиллический эпилог. При явном воздействии «теории бесконфликтности», этот эпилог, однако, не следует рассматривать только как идеологический компромисс. Суровость финалов стихотворений Маршака, как и идилличность эпилогов сказок Чуковского, адресовалась не одним детям, но и взрослым. Традиционное для просветительской линии русской литературы поучение сильных мира сего через эзопов язык детской книги и через перестройку сознания детей этих сильных мира сего и детей их подчиненных не была чужда обоим поэтам. Когда первая функция оказывалась менее существенной, чем вторая, злободневность текста выдыхалась, оставался вечный нравоучительный пафос, тогда Маршак позволял себе менять финал (ср. правку «Мороженого»).

В «Книжке про книжки» (в отличие от «Пожара», например) с нарушителем гармонии никто не борется: он просто отвергнут идеальным миром, изгнан своими же прежними жертвами из «рая», когда попытался вторгнуться туда. Мишке противостоит не конкретный герой, но истинные устои жизни: порядок, милосердие и труд (они, впрочем, воплощены в персонажах). Трактовка этих традиционных понятий (как и свободы) в творчестве Маршака знаменательна: не прекословия официальной идеологии, поэт смещает акценты.

Особенно интересно понимание труда. Маршак, вовсе не подстраиваясь под официальный лад, любил повторять, что воспекает тружеников, ибо труд — главное условие жизни. Однако в его книгах труд — обычно не созидание, а регуляция процессов и установления баланса, гармонии, упрочение цельности мира. Поэт вывел и представителей соответствующих профессий: пожарного и мороженщика, тушащих огонь и жажду, почтальона, содействующего общению людей, няньку, исцеляющую усталость сном, и т. д. К этому ряду принадлежат и переплетчик, поименованный врачом (ср. изобра-

жение столяра в «Приключениях стола и стула»), и сторожа, наводящие порядок и оберегающие его. В «Книжке про книжки» этот тип представлен наиболее выразительно в самом подчиненном, но особенно подробно описанном блюстителе гармонии — одушевленном каталоге (интересно, что по завершении реформ, радикально преобразивших библиотеки, каталог из баллады Маршака исчез).

Герои-«труженики» двойственны: строги, иногда даже грубы (70–73), но при этом справедливы и милосердны (103–108), порой даже чувствительны (136–144). Такая двойственность, по Маршаку, видимо, свойственна самой жизни: ее законы суровы, но благодетельны. К осмыслению, а затем и к приятию такой модели мира автор и готовит юного читателя, следуя и своим убеждениям, и классической традиции.

Так, мотив дружественной неволи и ее стражей (так называемые «образы защиты и покоя») часто встречается у Лермонтова, например, в «Мцыри» [Манн 1995, с. 201–202]; но если в первых детских стихах Маршака («Детки в клетке») эти мотивы нередко трактуются романтически, то в «Книжке про книжки» и позднее поэт все больше склоняется к поиску счастья, свободы, гармонии не в отторжении, а в приятии нелегких для личности, но в основе своей разумных объективных законов — к идее, столь частой у Пушкина. Не случайно иные строки выдержаны совершенно в тонах пушкинских сказок:

И сказал без всякой злости:
«Отдохнуть пора вам, гости,
Да и мне соснуть пора,
Спите сладко до утра» (105–108).

Завершая обзор некоторых проблем текстологии и топики «Книжки про книжки», отметим, что проблемы лишь поставлены, требуют детальной разработки и осмысления. Обобщение же Маршаком культурного опыта и попытка внедрения его в массовое сознание, отклик на злободневные социальные и литературные темы, создание гуманистической модели мира, в чем-то созвучное, а в чем-то и альтернативное официальной идеологии, — все это сулит обильную жатву исследователю и ценные открытия тем, кто неравнодушен к истории отечественной словесности и культуры в целом.

Приложение

КНИЖКА ПРО КНИЖКИ

I редакция (Изд. 1–3. Л., 1924–1927)*

У неряхи Мишки⁴
 Жили-были книжки,
 Грязные, лохматые,
 Рваные, горбатые,
 Без конца и без начала,
 Переплеты, как мочала,
 На листах каракули.
 Книжки горько плакали.

10 Дрался Мишка с Гришкой,
 Размахнулся книжкой,
 Дал разок по голове —
 Вместо книжки стало две.

Разговаривали книжки⁵
 Про свои дела-делишки.
 Было в комнате темно,
 Свежий ветер дул в окно,
 Мишка спал в своей постели,
 А страницы шелестели.

20 Слушай, старый Дон-Кихот,
 Кто порвал твой переплет?
 Как здоровье, Принц и Нищий?
 Вы когда-то были чище.
 Эй, приятель Робинзон,
 Чем ты нынче огорчен?⁶
 Говорят, на Крокодила⁷
 Опрокинули чернила,
 У Мурзилки вырван лист,
 А в грамматике измятой
 На странице тридцать пятой
 30 Нарисован трубочист!
 В географии⁸ Петрова
 Нарисована корова
 И написано: «Сия
 География моя,
 Кто возьмет ее без спросу,
 Тот останется без носу».
 — Как нам быть? — спросили книжки, —
 Как избавиться от Мишки?
 И сказали Братья Grimm:
 40 «Вот что, книжки, убежим!»
 Растрепанный задачник,

*В приведенном тексте отмечен номером каждый десятый стих.

Ворчун и неудачник,
 Прошамкал им в ответ:
 «Девчонки и мальчишки
 Везде калечат книжки.
 Зачем бежать от Мишки,
 Когда спасенья нет?»
 — Молчи ты, старый минус, —
 Сказали Братья Grimm, —
 50 И больше не серди нас
 Брюзжанием своим.
 Бежим в библиотеку,⁹
 В свободный наш приют,
 Там злому человеку
 Трепать нас не дадут.
 Нет! — сказала Хижина
 Дяди Тома, —
 Мишкой я обижена,
 Но останусь дома!¹⁰
 60 — Вперед! — воскликнул Дон Кихот,
 И книжки двинулись в поход.

Несчастливые калеки¹¹
 Пришли к библиотеке,
 Шлеп-шлеп на порог.
 Там их встретил Каталог,
 Важная книжка,
 Толстая крышка,
 Медные застежки,
 Тоненькие ножки.
 70 «Эй! — сказал он, — Что за хлам
 Привалил сегодня к нам?
 Что за куча всякой рвани
 Без обложек, без названий?»

Отвечали Братья Grimm:
 «За привет благодарим.
 Но ошиблись вы немножко —
 И у нас была обложка.
 Мы клочки ее храним.
 Наше имя — Братья Grimm».
 80 Книжка в толстом переплете
 Закричала: «Нет, вы врете!»
 — Нет, мы правду говорим! —
 Отвечали Братья Grimm.

Каталог отставил ножку,
 Отстегнул свою застежку
 И, откинув переплет,
 Заглянул к себе в живот.

- 90 В животе у Каталога
Было чисел очень много.
— Вот, — сказал он, — пятый ряд,
Номер триста шестьдесят.
- Вдруг из отпертого шкапа
Толстый том свалился на пол
И воскликнул: «Вас ист дас?
Кто тут спрашивал про нас?
Честь имеем мы явиться —
Братья Гримм из-за границы!
- 100 — Дорогие Братья Гримм!
Сколько лет и сколько зим!
Тут растрепанные братья
К целым бросились в объятья...
- Толстый, важный Каталог
Больше хмуриться не мог
И сказал без всякой злости:
«Отдохнуть пора вам, гости,
Да и мне соснуть пора,
Спите сладко до утра».
- 110 Утром книжки оглядели
С восхищеньем свой приют:
Неужели в самом деле
Только книжки здесь живут?
- В переплетах темной кожи,
Разместившись у стены,
Словно зрители из ложи,
Книжки смотрят с вышины.
- Вдруг задачник-неудачник
Поблелел и стал шептать:
«Шестью восемь — сорок восемь,
120 Пятью девять — сорок пять».
- Книжки вскрикнули в тревоге¹²
И попятились, дрожа,
В это время на пороге
Появились сторожа.
- Принесли они метелки,
Стали залы убирать,
Подметать полы и полки,
Переплеты вытирать.
- 130 Чисто вымели повсюду.
И за вешалкой, в углу,

- Книжек порванную груду
Увидали на полу —
Без конца и без начала,
Переплеты, как мочала,
На листах каракули...
Сторожа заплакали:
- Разнесчастные вы книжки,
Истрепали вас мальчишки!
Отнесем мы вас к врачу.
140 К Митрофану Кузьмичу.
- Он вас, бедных, пожалеет,
И подчистит, и подклеит,
И обрежет, и сошьет,
И оденет в переплет¹³.
- Вышли книжки из больницы,
Починили им страницы,
Переплеты, корешки,
Налепили ярлыки.
- 150 Братья Гримм в зеленой коже¹⁴
Выступают, как вельможи,
Весь в картоне Дон Кихот
Гордым рыцарем идет,
А задачник скачет сзади
В коленкоровом наряде.
- После этого их всех
Записали в книжный цех,
А потом в огромной зале
Каждой полку указали.
- 160 Отослали братьев Гримм¹⁵
К заграничным их родным,
По соседству у колонны
Разместились Робинзоны.
Не прошло еще и дня,
Как у всех нашлась родня.
- А у Мишки неудача:
Мишке задана задача.
Стал задачник он искать,
Заглянул он под кровать,
Под столы, под табуретки,
170 Под диваны и кушетки.
Ищет в печке, и в ведре,
И в собачьей конуре.
- Мишке горько и обидно,
А задачника не видно.

Что тут делать? Как тут быть?
Где задачник раздобыть?

Остается — с моста в реку
Иль бежать в библиотеку!

180 Говорят, в читальный зал
Мальчик маленький вбежал
И спросил у строгой тети:
«Вы тут книжки выдаете?»
А в ответ со всех сторон
Закричали книжки: — Вон!¹⁶

Примечания

¹ Статья написана к 120-летию со дня рождения Маршака (отмечалось 3 ноября 2007 г.) и продолжает ряд предпринятых ее автором исследований [Гуськов 2001, 2003, 2004].

² О политике в области детского чтения, в частности деятельности В. И. Невского, и организации библиотечного дела см.: [Добренко 1997].

³ Приведем темы некоторых заданий: «Обследуйте и заполните следующую анкету об удобрениях» (способы хранения навоза, его раскладка и форма куч, где и по каким ценам можно достать удобрения и т. д.); «Обследуйте скот в деревне и заполните анкету»; «Обследуйте и заполните анкету о кормлении коров в двух известных вам хозяйствах». Аналогичны задания о корнеплодах и кормовых культурах, свиноводстве, молочных хозяйствах [Иванов 1924, с. 35–38, 136, 138]. Усиление патриотического пафоса заметно при сопоставлении изданий [см.: Иванов 1916; Иванов 1924а].

⁴ Начиная с 5 изд.: «У Скворцова Гришки». Первая строка разбивается на строки по словно.

⁵ Начиная с 5 изд. вместо строк 13–24 читается:

Горько жаловался Гоголь:
Был он в молодости щеголь,
А теперь на склоне лет
Он растрепан и раздет.

⁶ В 4 изд. строки 2–24 читаются: «— Почему без корешков / Томпсон, Нансен и Житков?» В последующих изданиях этот текст отсутствует.

⁷ Начиная с 5 изд. строки 25–27 читаются: «У бедняги Робинзона / Кожа содрана с картона, / У Крылова вырван лист».

⁸ Начиная с 4 изд. иногда вместо географии появлялась арифметика. Не в связи ли с постепенным выходом из употребления учебника географии Г. И. Иванова?

⁹ Начиная с 5 изд. строки 52–55 читаются:

Бежим в библиотеку,
Центральный наш приют,
Там книжки человеку
В обиду не дают.

В следующих изд. восстановлен эпитет «свободный».

¹⁰ В последней редакции далее появилось двустишие: «— Идем! — ответил ей Тимур. — / Ты терпелива чересчур!»

¹¹ Начиная с 5 изд. выпущены строки 62–112. Вместо них:

Беспризорные калеки
Входят в зал библиотеки.
Светят лампы над столом,
Блещут полки за стеклом.

¹² С 5 изд. нерегулярно употребляется стих «Арифметика в тревоге» или «География в тревоге».

¹³ Начиная с 4 изд. далее следует:

Песня библиотечных книг
К нам, беспризорные
Книжки-калеки,
В залы просторные
Библиотеки!

Книжки-бродяги,
Книжки-неряхи,
Здесь из бумаги
Сошьют вам рубахи.

Из коленкора
Куртки сошьют,
Вылечат скоро
И паспорт дадут.

Мчитесь под своды
Библиотеки!
Годы невзгоды
Забудем навеки!

Тяжкой неволи
Сбросила яго
Библиотечная
Вечная
Книга.

В 5 изд. последние 2 куплета выпущены, с 6-го изд. вместо них повторяется первый куплет.

¹⁴ Начиная с 4 изд. строки 140–154 выпущены.

¹⁵ Начиная с 5 изд. выпущены строки 159–162. В последней редакции взамен помещено:

Стал задачник в сотый ряд,
Где задачники стоят.

А Тимур с командой вместе
Занял полку номер двести.

Словом, каждый старый том
Отыскал свой новый дом.

¹⁶ В последней редакции далее следует эпилог.

Написал я эту книжку
Много лет тому назад,
А на днях я встретил Гришку
По дороге в Ленинград.

Он давно уже не Гришка,
А известный инженер.
У него растет сынишка,
Очень умный пионер.

Побывал у них я дома,
Видел полку над столом.
Пятьдесят четыре тома
Там стояли за стеклом.

В переплетах — в куртках новых,
Дружно выстроившись в ряд,
Блещут книги двух Скворцовых,
Точно вышли на парад.

А живется им не худо,
Их владельцы берегут.
Никогда они отсюда
Никуда не убегут!

Источники

Иванов Г. И. Картины России по географическим областям. Пг., 1916.

Иванов Г. И. Начальный курс географии. Ч. 1. 14-е изд., испр. и доп. главой «Что можно увидеть в деревне и в городе?». Л., 1924а.

Иванов Г. И. Краткий курс географии Союза Советских Социалистических Республик. 3-е изд. Л., 1924б.

Кальм Д. БЭ да МЭ, или насчет БУЗЫ // Лит. газ. 1931. 14 янв.

Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М.: Современный писатель, 1997.

Исследования

Гаспаров Б. М. Мой до дыр // Новое лит. обозрение. 1992. № 1. С. 304–319.

Гуськов Н. А. Ода или элегия? // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2001. С. 208–214.

Гуськов Н. А. Проблемы творческой истории цикла С. Я. Маршака «Детки в клетке» // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. СПб.: ОГИ, 2003. С. 220–236.

Гуськов Н. А. Мотивы сновидения и бессонницы в советской детской литературе 1930-х гг. // Пушкин и сны: сновидения в фольклоре, литературе и жизни человека. СПб.: Пушкинский проект, 2004. С. 282–291.

Добренко Е. А. Формовка советского читателя. СПб.: Академ. проект, 1997.

Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Агент Пресс, 1995.

Петровский М. С. Диалог о столе: (М. Цветаева и С. Маршак) // Памир. 1989. № 2. С. 117–127.

Фриче В. М. Очерк развития западноевропейской литературы. М.: Моск. отд. гос. изд-ва, 1922.